

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЮМОРА, ИРОНИИ И САТИРЫ И МОДЕЛИ ИХ ПЕРЕВОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Алла Сердюк

Бердянски държавен педагогически университет

The problem of learning ways of expressing humour, irony and satire in Bulgarian Literature classes by philology students at Ukrainian higher educational establishments are described in this article. The author considers problems of learning ways of expressing ridiculous things and models of their translation into Ukrainian language through the example of D. Dimov's language. The author stresses that lexical and stylistic means of ridiculous reflection of reality should be learned in the context of macrotext, themes of literary production, historical background described in the novel, heroes' characteristic.

Key words: humour, irony, satire, language emotivity

Одной из форм отношения человека к действительности является чувство юмора. Юмор играет важную роль в общении между людьми, поскольку он может проявлять себя как узуально, так и окказионально, как на вербальном, так и на невербальном уровнях.

В психологической литературе это чувство детерминируется как „способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаясь. Чувство юмора неразрывно связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающей действительности, например, замечать, а иногда и утрировать противоположность положительных и отрицательных черт в каком-либо человеке, кажущуюся значительность кого-либо и не соответствующее ей поведение и т.п.“ (Петровский, Ярошевский, ред. 1998: 447).

Как видно из данной детерминации, юмору присущ эмоциональный компонент. С точки зрения А. Вежбицкой эмоциональность является важнейшей семантической характеристикой языка, это – „ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном волеизъяв-

лении, [...], богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков“ (Вежбицкая 1997: 33 – 34).

В. А. Маслова, опираясь на теоретические выводы Ш. Балли (Балли 1961), В. И. Шаховского (Шаховский 1987) и др., считает эмоциональность психологической характеристикой не языка, а личности. А для описания языка предлагается термин „эмотивность“, который является лингвистической характеристикой слова, предложения, способной произвести эмоциогенный эффект, вызвать у языковой личности соответствующие эмоции (Маслова 2005: 227).

Замечая комические явления в жизни, субъект воплощает и фиксирует их средствами того языка, носителем которого он является. Процесс выражения комического, по словам Ш. Балли, „проявляется в результате неожиданного сочетания несочетаемого или нарушения естественного порядка вещей при условии, что это нарушение, вначале воспринимаемое как серьезное и опасное, вскоре оказывается вполне безобидным“ (Балли 1961: 215). При этом в выражении комического большую роль играют не только языковые средства, но и этноспецифические особенности менталитета того или иного народа. Именно это определяет проблемы при изучении литературных произведений и при переводе компонентов смешного из одного языка на другой. И это обуславливает актуальность нашего исследования.

На занятиях по болгарской литературе эта проблема стоит достаточно остро. В Бердянском государственном педагогическом университете, на специальности „Английский (немецкий) и болгарский язык и литература“ для ряда студентов болгарский язык не является родным, потому проблема изучения смешного является довольно сложной. Эффективным, на наш взгляд, было бы изучение способов выражения юмора, иронии и сатиры в комплексном подходе. Это предусматривает исследование смешного на различных уровнях, прежде всего, лексико-семантическом, синтаксическом и текстовом. Учитывая то, что для многих студентов болгарский язык является иностранным, то целесообразно будет обращаться на занятиях к переводам литературных произведений на украинский язык.

Анализируя вышесказанное, мы поставили цель: установить способы выражения смешного и изучение этой проблемы на занятиях по болгарской литературе. Материалом для нашего исследования послужил роман Д. Димова „Осъдени души“, который изучается студентами на пятом курсе, и его украинский вариант „Приречені душі“ (перевод В. Захаржевской и Н. Никифоровой 1980).

Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих заданий: 1) установить типы „сочетаний несочетаемого“, т.е. несоответствий, которые вызывают эффект смешного в исследуемых произведениях; 2) установить качественные характеристики способов выражения юмора, иронии и сатиры; 3) определить пути изучения выражения и перевода смешного на занятиях по болгарской литературе.

Как уже было сказано ранее, смешное может выражаться юмористически, иронически и сатирически. Рассмотрим данные понятия. Юмор трактуется как „понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-н.“ (Ожегов 1986: 792). А ирония – это „тонкая, скрытая насмешка“ (Ожегов 1986: 218). Сатира детерминируется как „обличающая, бичующая ирония“ (Ожегов 1986: 606). Аналогично детерминируются данные тропы и в болгарских источниках: юмор – это „насмешливо отношение към недостатъци, слабости и др., чрез което те се представят в комически вид и предизвикват смях“ (Буров, ред. 1999: 987); ирония – „тънка, скрита насмешка, подигравка“ (Буров, ред. 1999: 324); сатира – „разобличаваща ирония“ (Буров, ред. 1999: 797).

Таким образом, мы видим, что в семантику исследуемых понятий входят следующие компоненты: комическое, смешное / насмешка, издевка, несоответствие, противоречие, противоположность.

Для анализа нами были отобраны контексты, содержащие несоответствия, способные вызвать комический эффект, насмешку или даже издевательства. Анализ контекстов показывает, что наиболее специфическими способами создания образов, вызывающих смех, являются следующие несоответствия.

1. Форма – содержание. В сформировавшемся общественном сознании представители знати являются благоразумными людьми, живущими по выработанным правилам и устоям, неспособными на недостойные поступки. Поэтому в несоответствии благородного происхождения Луиса Эредиа с его реальной деятельностью (торговля наркотиками) создается новая грань насмешки: *В тия куфари на знатния дон Луис се намираха немалко килограми от една напълно забранена за свободно търгуване стока, чието съществуване впрочем лицето, което бе изпратило телеграмата от Мадрид, едва ли подозираше* (Димов 1977: 8). Это же несоответствие сохраняется и в украинском переводе. Ср.: *А в валізах вельможного дона Луїса було сховано чимало кілограмів забороненого для вільної торгівлі товару, про існування якого особа, що слала телеграму з Мадріда, звичайно, й гадки не мала* (Димов 1980: 7).

Отклонением от нормы является также принадлежность к высшему свету людей, чей род занятий является далеким от общепринятых норм морали: [...] *проститутка от висшето общество, която си спомни, че бе виждала непознатия в чакалнята на полицейския инспектор в Перпинян, и му се усмихна едва забележимо в знак на солидарност, защото и двамата с еднакво изкуство се преструваха на почтени* (Димов 1977: 13). Ирония автора выражается противопоставлениями „проститутка / висшето общество“, „полицейския инспектор / почтени“; она сохранена и в украинском переводе: [...] *повія з вищого світу, згадавши, що бачила незнайомця в поліцейському відділку в Перпіньяні, і ледь помітно посміхнулась йому на знак солідарності, бо обоє вміло вдавали з себе поважних осіб* (Димов 1980: 11–12).

На занятиях по болгарской литературе следует обратить внимание студентов на отношение Д. Димова к религии, в частности, к католицизму. Автор сатирически изображает служителей церкви: *Той имаше вид на същество, чийто дух се рееше като облак по върховете на Томистката метафизика, и само затлъстелият му корем свидетелствуваше за виното и обилната храна, които приемаше при всяко слизане на земята* (Димов 1977: 124). Противоречие между аскетическим, фанатичным выражением лица и толстой фигурой актуализируется оппозициями „дух / затлъстелият му корем, вино, обилна храна“, „облак / земя“. На наш взгляд, в украинском переводе сатира выражена еще ярче за счет уменьшительного „хмаринка“ и просторечного „черевцо“: *Він мав вигляд істоти, чий дух плаває, мов хмаринка, у верхів'ях томістської метафізики, і тільки гладке його черевцо свідчило про вино й ситі харчі, до яких він вдавався під час кожного спуску на землю* (Димов 1980: 106).

Сочетание лексем, обозначающих нечистую силу или глупца, с теологической лексикой (расо, преподобни, Дружина на Христа) также создают острые сатирические образы. Эффект усиливается благодаря интонационным средствам: *Извикай веднага този дявол в расо!* (Димов 1977: 219). – *Поклич негайно цъого дявола в рясі!* (Димов 1980: 190). – *О, преподобни глупако от Дружината на Христа!...* (Димов 1977: 226). – *О, преподобний дурень з Христового войнства!* (Димов 1980: 196).

Не менее сатирически изображены у Д. Димова и верующие, поведение которых является далеким от норм христианской морали. Крестьяне, посланные монархистами для подавления республиканцев, вместо духовного подъема обращают внимание на проходящую мимо

Фани. Насмешливое отношение писателя выражается испанским „гуара“, метафорой „кряскаше“, оппозицией „възторг / умре, света вяра“: *Olè guara! – кряскаше от възторг групата, която отиваше да умре за светата вяра* (Димов 1977: 278). Ср.: *Olè guara! – захлинаючись від захоплення, галасували ті, хто йшов помирати за святу віру* (Димов 1980: 242).

Абсолютная нетерпимость к инакомыслящим (но, по сути, ближним своим) выражается в следующем контексте: – *Антихристи!... – крещяха набожните испанки, които всяка сутрин, завити с черни воали, отиваха на литургия* (Димов 1977: 293). В данном случае сатирический эффект достигается синтаксическими средствами (восклицательные предложения) и изображением поведения, далеким от заповеди „любить врага своего“ (оппозиция „крещяха / набожните“). В украинском переводе сатира является более сильной за счет употребления в аналогичной оппозиции просторечного „репетували“. Ср.: – *Антихристи! – репетували набожні іспанки, які щоранку, замотавишись у чорну вуаль, ходили на літургію* (Димов 1980: 255).

2. Анализ – выводы. В данной группе несоответствий ироническое отношение Д. Димова выражается в том, что из анализа тех или иных поступков, мыслей вытекают абсолютно непредсказуемые выводы. Так, в ходе своих рассуждений, Робинзон, считавший себя социалистом, делает выводы, выгодные для своего личного благополучия, но абсолютно не соответствующие идеалам социального равенства: *Така той се изправи пред мъдрата истина, че ако един английски социалист иска да запази високия стандарт на живота си, трябва да служи на консерваторите* (Димов 1977: 151). – *Так зрозумів він ту істину, що коли, англійський соціаліст хоче зберегти високий життєвий рівень, він повинен служити консерваторам* (Димов 1980: 129). – *Какво безобразне, на което бяха способи само висшите класи! Впрочем и Робинзон бе излъгал веднъж, че леля му е тежко болна, за да получи отпуска* (Димов 1977: 152). – *Яке неподобство, на таке здатні лише вищі класи! Хоча й Робінзон також збрехав одного разу, що його тітонька тяжко хвора, щоб одержати відпустку* (Димов 1980: 29).

Высоко, на первый взгляд, оценивая деятельность Фани во время гражданской войны, маркиз де Бермеха совершает действие, совсем неадекватное почтению подвига: *И в чест на подвига маркизът изти още една чаша коняк* (Димов 1977: 59). – *І на честь подвигу маркіз випив ще одну чарку коньяку* (Димов 1980: 51). Ироническое

отношение автора в оппозиции „подвиг / коняк“ усиливается еще и словосочетанием „още една чаша коняк“.

Во время занятий следует обратить внимание студентов также на диалоги в романе Д. Димова. Смешное в этих диалогах писатель возводит в степень сатиры, горького сарказма, черного юмора: – *Не си въобразявай, че в лагера на йезуитите е много скучно – каза той веднъж. – Защо, Жак? – Защото в него има монахини от Кармелитския орден. – Ето занимание и за тебе. – Да, но Ередиа е запазил периметъра за себе си. – Не оскърбявай праведния човен. Млади ли са? – Не особено. Най-младата е на шестдесет години* (Димов 1977: 161). – *Не думай, що в таборі езуїтів надто нудно, зауважив він одного разу. – Чому, Жак? – Тому, що там є черниці з Кармелітського ордену. – Отже, є розвага й для тебе. – Так, але Ередіа не схильний ділитись. – Не ображай праведника. Вони молоді? – Не дуже. Наймолодший шістдесят* (Димов 1980: 137). В данном диалоге несоответствия, создающие иронию, усиливаются литотой „не особено“.

Когда Доминго решил отречься от монашеского сана и сказал об этом Фани, то ее обращение к нему стало совершенно неожиданным для него: – *Слушайте, братко... – Не ме наричайте братко... – Тогава слушай, идиот!... (Димов 1977: 252). – Послухай, брате... – Не називайте мене братом... – Тоді слухай, ідіоте!* (Димов 1980: 219). Ирония, переходящая в сарказм, выражена в этом диалоге грамматическими способами (повелительное наклонение, интонация, обращение) и оппозицией „брат – идиот“.

В следующем случае абсурдность реплики Фани в диалоге с Кармен выражает черный юмор: *Сега те [монаси] копят гробовете и заравянето на болните върви по-бързо... Да! – О-хо!... Утешително!* (Димов 1977: 262). – *Зараз вони [монахи] копають могили, і мерців почали ховати швидше. – Он як!.. Втішно!* (Димов 1980: 229).

3. Действие – результат. Несоответствие между действиями и достигнутыми результатами также довольно часто употребляются в языке писателя. При изучении этих несовпадений следует обратить внимание студентов на то, что здесь четко прослеживаются две тенденции. Рассмотрим их более детально.

3.1. Действие → ожидаемый логический результат → непредсказуемый результат. В этой группе контекстов Д. Димов после описания определенных действий своих персонажей сначала делает прогнозируемый вывод, а затем – неожиданный. Такая цепочка выводов лишь усиливает насмешку писателя: *Всички Ередиевци бяха много достойни мъже, със строг морал, с боязън от бога и с непоколебима*

вярност към Бурбонската династия. [...] Само Луис, за първи път от два века, опетни честта на рода, като стана републиканец и скандализира няколко благородни девойки (Димов 1977: 9). В данном примере видим цепочку: действие (Луис – отщепенец в преданной монархии семье Эредиа) → ожидаемый логический результат (Луис становится сторонником республиканских сил) → непредсказуемый результат (Луис приобретает славу Дон Жуана).

В другом примере зафиксирована цепочка: действие (пафосная речь) → ожидаемый логический результат (волнение окружающих) → непредсказуемый результат (равнодушие окружающих). *Произнесе приветствена реч, която със своя патос можеше да развълнува дори каменните стъпала и тъкмо поради това не развълнува никого* (Димов 1980: 132).

Аналогичный вариант сохранен и в украинских переводах: – *Всі Ередіа були дуже горді, богобоязливі, суворих правил, щиро віддані Бурбонській династії. [...] Лише Луїс, вперше за два століття, заплямував честь роду, ставши республіканцем і ославивши кількох родовитих дівчат* (Димов 1977: 9). – *Він виголосив вітальну промову, яка своїм пафосом могла схвилювати навіть кам'яні східці, і саме тому не схвилювала нікого* (Димов 1980: 114).

3.2. Действие → непредсказуемый результат. Как правило, изучение иностранных языков предполагает свободное владение ими, однако, в данной ситуации результат оказался обратным: *Говореше английски толкова лошо, [...], и колкото можеше да се очаква от човек, който владееше още деветнадесет други езика* (Димов 1977: 132). – *Він говорив по-англійськи так само погано, [...], та й чого можна чекати від людини, яка володіє ще дев'ятнадцятьма іншими мовами* (Димов 1980: 114). Насмешка усиливается риторическим вопросом.

В другом примере непредсказуемость получается из-за противопоставления высокой лексики („призвание“) лексике, обозначающей противозаконную деятельность как результат жизненного выбора [...] *намери призиванието си в търговията с наркотични вещества* (Димов 1977: 9). – *[...] пізніше знайшов своє покликання в торгівлі наркотиками* (Димов 1980: 9).

Тази жена [...] измисли един плитко скроен обир на американци, благодарение на който Луис попадна в затвора (Димов 1977: 10). – *Ця жінка [...] придумала простий план обкрадання американців, завдяки чому Луїс потрапив до в'язниці* (Димов 1980: 9). Как видим, комизм данной ситуации состоит в том, что из-за, казалось бы, проду-

манного плана, Луис не остался в выигрыше, а попал в тюрьму. Ирония усиливается употреблением неуместного в данном контексте „благодарение на който“.

4. Цели и средства для достижения. Этот тип несоответствий является яркой иллюстрацией отношения Д. Димова к религии вообще и к иезуитам, в частности. На занятиях будет целесообразно обратиться к истории средних веков, когда был основан орден иезуитов. Как известно, система морали, выработанная этим орденом, основывалась на приспособительных принципах. Это позволяло монахам использовать любые средства для достижения своих целей. Не случайно слова „иезуит“, „инквизиция“ в сознании европейцев являются символами жестокости, хитрости, коварства, беспринципности.

В этой группе несоответствия четко выражены яркими противопоставлениями теологизмов лексике, обозначающей жестокие действия, убийства, нечистой силы: „йезуит / дяволът“, „изгорила / светата инквизиция“, „изклани / набожни католици“, „тояги / света вяр“, „argumentum bacculinum / се поправи“.

Един йезуит се кълне в истината! Това бе все едно дяволът да чете евангелието (Димов 1977: 114). – *Єзуїт присягається в правоті! Це все одно, що диявол читає євангеліє* (Димов 1980: 98). В данном контексте демонстрируется отношение народа к иезуиту, чей образ как символ лицемерия сформировался у испанцев еще со времен средневековья.

В следующем примере писатель с горьким сарказмом описывает методы борьбы католической церкви с инакомыслящими и способы миссионеров обращения в христианство туземцев. Помимо противопоставлений, насмешка выражается еще и выражением „бе пропуснато“, что усиливает ироническое отношение автора к лицемерию иезуитов. *Но в тия книги бе пропуснато да се отбележи колко живи хора бе изгорила светата инквизиция в Европа и колко живи хора бяха изклани от набожните католици в Южна Америка* (Димов 1977: 177). – *Проте в цих книгах забули згадати про те, скільки живих людей спалила свята інквізиція і Європі і скільки дикунів було перерізано побожними католиками в Південній Америці* (Димов 1980: 152).

Аналогично, в других контекстах показано, что иезуиты не гнушались физическими наказаниями для наказания тех, кто разочаровался в принципах этого ордена: *Аз мисля, двадесет тояги биха могли да го върнат отново към светата вяр* (Димов 1977: 249). – *Я гадаю, двадцять різок могли б повернути його до святої віри* (Димов 1980: 217). – *Защо не опитате argumentum bacculinum. Може би ще се поп-*

рави (Димов 1977: 249). – *Чому б вам не вжиги argumentum baculinum? Може, він ще порозумнішає* (Димов 1980: 217).

5. Возможности и претензии. Несоответствия этой группы являются спорадическими. Писатель достигает комического эффекта употреблением в контексте названия болезни, характерной для людей пожилого возраста, в противопоставлении с поведением, свойственным для молодежи: *Тия кавалери с атеросклероза бяха запазили освен пиенето още един навик от младостта: да закачат хубавите жени, които минаваха по тротоара, поради което последните кой знае защо ги наричаха „рибоците от Коруня“* (Димов 1977: 15). – *Ці кавалери з атеросклерозом зберегли, крім уміння пити, ще одну звичку молодості: загравати з красивими жінками, які проходили повз них тротуаром, за що останні не знати чому називали їх „рибалками з Коруньї“* (Димов 1980: 13).

Таким образом, проведенный нами анализ способов выражения смешного в языке Д. Димова дает основания для следующих выводов.

В исследованном романе четко наблюдается тенденция перехода иронии в сарказм и сатиру. Контексты с юмористическими изображениями персонажей или ситуаций являются спорадическими. Наиболее продуктивными несоответствиями, вызывающими смешной эффект, являются следующие: „форма – содержание“, „действие – результат“, „анализ – выводы“. Что касается вербальных средств, то для языка Д. Димова характерными являются оппозиция, метафоры, сравнения, интонационные средства, диалоги.

Во время занятий по болгарской литературе преподаватель должен постоянно обращать внимание студентов на то, что писатель в своем романе использует иронию и сатиру не как самоцель. Все использованные Д. Димовым лексико-стилистические средства смешного отображения действительности могут реализовать свой потенциал только на фоне полного текста романа, с учетом тематики произведения, исторического фона, изображенного в романе, полной характеристики героев.

ЛИТЕРАТУРА

Балли 1961: Балли, Ш. *Французская стилистика*. Москва: Иностранная литература, 1961.

Буров, ред. 1999: *Съвременен тълковен речник на българския език*. Отговорен ред. доц. д-р Ст. Буров. В. Търново: Абагар, 1999.

Вежбицкая 1997: Вежбицкая, А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Языки русской культуры, 1997.

Димов 1977: Димов, Д. *Осъдени души*. София: Български писател, 1977.

Димов 1980: Димов, Д. *Приречені души*. – Перекл. з болг. В. Захаржевська, Н. Никифорова. Київ: Дніпро, 1980.

Маслова 2005: Маслова, В. А. *Когнитивная лингвистика*. Минск: Тетра-Системс, 2005.

Ожегов 1986: Ожегов, С. И. *Словарь русского языка*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1986.

Петровский, Ярошевский, ред. 1998: *Психологический словарь*. Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Москва: Политиздат, 1998.

Шаховский 1987: Шаховский, В. И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1987.